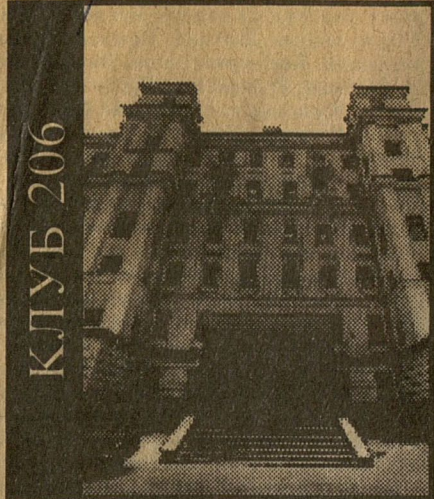

А.УДАЛЬЦОВ, главный редактор "ЛГ". Мстислав Леопольдович, мы очень рады приветствовать вас в нашем "Клубе 206", это как бы главная трибуна газеты, самая почетная, фирменная, что ли. "Клуб 206" уже почти два года, и открылся он встречами с экс-президентами США и СССР — Р.Никсоном и М.Горбачевым. Потом у нас побывало множество известных людей, и в основном это были политики, и разговоры, соответственно, были политические. И вот наконец у нас в гостях выдающийся деятель современной культуры, и мы ждем разговора на эту тему. Но, к сожалению, начать придется — я чувствую, таково время — опять же с политики. Все видели по телевидению, с каким воодушевлением вы пришли на один из московских избирательных участков... Как вы относитесь к итогам выборов?

М.РОСТРОПОВИЧ. Пропустите ответ на этот вопрос рассказом о своей жизни, которую он делит на четыре периода: первый — детство, годы ученичества, успешная деятельность музыканта в СССР до 1969 года, второй — когда у него на даче поселился А.И.Солженицын, в связи с чем и он подвергся гонениям, третий — вынужденный отъезд за границу, а четвертый начался в последние годы.

Что особенно запомнилось на всю жизнь?

Когда я потерял отца, мне было 14 лет. Это было в эвакуации. Я делал копилки для освещения, и моя крестная продавала их на барахолке. Это был 1942–1943 год. Тогда же в Оренбург был эвакуирован Малый оперный театр Ленинграда. Говорят, сын полка. Я был сыном Малого оперного театра. Я туда ходил, меня там любили, знали, что я способный музыкант. Там были замечательные певцы, которые иногда ездили в Дивногорск, Орск, Бузулук, Бугуруслан давать концерты. Когда после смерти отца я тяжело заболел на нервной почве и доктор сказал матери, что меня надо куда-нибудь отправить, меня взяли с собой артисты. Нас было шесть человек: певцы, аккомпаниатор и я, мальчишка, который должен был играть между их выступлениями. Мы ехали в город Орск. Вагон не отапливался. Но каждому из нас выдали по одному одеялу. Когда погасили свет и поезд тронулся, я лежал совершенно околоченный и думал только об одном: если бы можно было уснуть и не проснуться... Когда я проснулся в темноте в четыре утра, я почувствовал на себе что-то тяжелое. И почувствовал, что мне тепло. На мне лежало шесть одеял. И сколько бы я теперь ни играл, сколько бы ни старался делать добро, я никогда не смогу отблагодарить Россию за эти пять одеял, которые мне тогда отдали замечательные артисты. Когда в доме, где я жил с крестной, матерью, сестрой, замерзла вода, какие-то люди пришли, поставили "буржуйку". А через два дня остановился подвода с лошастью и кто-то сбросил нам вязанку дров. Память об этом толкает меня сюда, в Россию — и в Белый дом во время путча, и в этом году в октябре.

Далее матери рассказывал о своей напряженной творческой и общественной жизни, об отношении к сегодняшней России. И только после этого последовал прямой ответ на поставленный в самом начале вопрос.

М.РОСТРОПОВИЧ. Лично я считаю результаты этого голосования разочаровавшими. В то же время я думаю, что это очень специальная проблема, она должна быть проанализирована знаатоками, которые выяснят, какие слои населения как проголосовали, почему, отчего...

Чем я могу себя отличить от других голосовавших, от других людей, имевших свою точку зрения? Я оцениваю людей по работе. Почему я голосовал за "Выбор России"? Потому что я знал, как работает Чернобырдин. Я считаю, что это замечательный работник. Работник. Я был в Оренбурге, искал там могилу своего отца. Я знаю, какую создал Чернобырдин там газовую промышленность, как его там хорошо вспоминают. Он хозяйственник, профессионал. Это то, что мне нравится. Борис Федоров — министр финансов. Я с ним встречался. Я музыкант, я не понимаю в финансах, но когда он о них говорит, думаю: как он здорово в этом разбирается. Я верю Гайдару, потому что он замечательный экономист. Мне кажется, что они все профессионалы. Я за них с удовольствием проголосовал.

Что случилось с народом? Большая его часть голосовала не за то, что человек умеет, а за то, что человек обещает. Вот это самое главное. А тут уже наша Россия-матушка. Потому что мы любим обещания, мы любим сказки... Чем всегда отличалась наша публика на концертах от публики иностранной? Наши приходят в Большой зал консерватории, как в сказку.

Соло без виолончели

Лит. газ. — 1993, — 29 дек. — с. 3

В гостях у "Литературной газеты"
Мстислав РОСТРОПОВИЧ

Они в себя вбирают, впитывают божественную красоту музыки. Они верят в то, что это другая жизнь. И, насытившись этой красотой, они опять дома стирают пленки для детей, моют полы и т.д. На Западе музыку тоже любят. Но там концерт — часть их жизни. Они думают, как лучше пообедать: после концерта или до концерта? В каком ресторане? Это идет от благополучия внешнего, от жизненного уровня. А нам достаточно поверить в красоту. Хотите увидеть Россию от океана до океана? Хочу. Но я знаю, что это нельзя. Я очень хочу, чтобы у меня была шевелюра волос. Но Бог не дал. Но если мне скажут: хочешь быть, как Самсон? Хочу.

Я никого не осуждаю, кто бы за что ни голосовал. Но я хотел бы сказать одну вещь, относящуюся ко всем нам, людям интеллигентным, людям культуры, литературы, музыки. Может быть, я ошибаюсь. Но не думаете ли вы, что, когда у нас появилась вседозволенность, мы стали кичиться собственным мнением: да, мы оба демократы, но я считаю только так. Наверное, надо иметь не только чувство собственной неповторимости, но и чувство общего дела, которому мы должны служить.

Я вам скажу больше. Я, например, считаю, что было бы очень неправильно проводить сейчас такую кампанию, мол, Жириновский — фашист и т.п. Не нужно сейчас оскорблять ни тех, кто голосовал, ни тех, за кого голосовали. Не надо интерпретировать итоги так, что люди, мол, просто по глупости сделали выбор. Эта искорка между двумя даже не коалициями, между двумя частями народа, которая вспыхнула 3 и 4 октября, не исчезла. Она продолжает тлеть. Мне кажется, что если одни будут говорить: это фашисты, то другие начнут кричать: а вы кто? А сам так! И пойдет стенка на стенку. Нужно быть терпеливыми, мудрыми и понять, что произошло.

У меня еще такая странная ассоциация. Я музыкант. Я сыграл примерно сто премьер как виолончелист. Были гениальные сочинения Прокофьева, Шостаковича, Бенджамин Бриттена и т.д. Но были и сочинения плохие. Нельзя ведь рассчитывать, что ты будешь все время расчтываться великим, гениальным композитором, и никаким другим... Но я старался играть и плохие сочинения хорошо. И часто мне даже удавалось обмануть публику, Г-н Жириновский хорошо сыграл, но очень плохое сочинение. Композиция его мне совсем не нравится. Но как артист он вышел, сыграл, и вот ему аплодирует публика. В этом есть какой-то секрет. Русские люди очень любят искусство. И, скажем, цирковое искусство для русских людей — большое пристрастие: вот он может перевернуться в воздухе, а я не могу...

Я говорю о своих ощущениях. Я страшно расстроен тем, что произошло. Но, в общем, я думаю, что это положение совсем не безнадежно. Я только думаю, что этот театр, который идет от господина Жириновского, имеет очень плохую тенденцию сорвать нас с народом.

А.САБОВ, обозреватель "ЛГ". Луи Арагон когда-то посвящал мне поэму "Песнь о Слав". Вы как-то сказали, что от ваших концертов в Париже часть денег шла на поддержание компартии. Как вы полагаете, Арагон знал об этом или нет?

М.РОСТРОПОВИЧ. Я скажу о психологической стороне этой проблемы. Я знал Луи Арагона очень хорошо, чуть не месяц прожил в его доме. Есть такая интеллигентская черта: там, где ты живешь, стать немного в оппозицию. Это придает некоторое кокетство существованию. На Западе коммунисты в оппозиции. Огромное количество коммунистов было во Франции, в Италии. Я всегда говорил: дай Бог, чтобы они победили. Пусть они докажут, что они могут сделать позитивное. Потому что в оппозиции они только говорят. И завлекают к себе интеллектуалов, таких замечательных людей, как Луи Арагон. Когда произошла история с Солженицыным, это стало трагедией в жизни Арагона, я знаю, как он переживал. И все-таки он потом вернулся в компартию. Это была какая-то своя семья. Его все время туда тянуло. В каждом государстве существуют менее имущие люди. Среди них всегда — студенты. И человек, став очень богатым, даже талантливый, по-настоящему стоящий человек, для студентов теряет часть обаяния. Луи Арагон, может, в каком-то смысле и Сартр хотели быть популярными среди студентов, среди молодежи.

О.МОРОЗ, член редколлегии "ЛГ". Наша творческая интеллигенция в последние годы разбилась примерно на три

группы. Одни помогают, сочувствуют реформам и демократии. Вторые по мере сил стараются помочь становлению коммунизма или фашизма, как уж получится. А третьи в основном занимаются, я бы сказал, художественным нитьем: все рушится, все плохо, культура гибнет, Россия гибнет, все летит в тартарары. Есть у вас интегральное, обобщенное ощущение от поведения нашей творческой интеллигенции в эти тяжелые годы?

М.РОСТРОПОВИЧ. Я уважаю всякую точку зрения. Я уважаю ее потому, что она твоя точка зрения и ты ее высказываешь. Но я противопоставляю во многих случаях свою точку зрения. Моя точка зрения, например, совершенно не совпадает с точкой зрения Снявского, Максимова и Зиновьева. Соответственно я ни в коем случае не считаю, что они должны иметь мою точку зрения. Собственно, моим ответом этой группе людей и был мой концерт на Красной площади. Вот почему мне захотелось сыграть "Въезд Александра Невского во Псков", "1812 год". Мне кто-то сказал: и все-таки въезд Александра Невского во Псков был после битвы. Чудское озеро, кровь. Но это поле битвы за освобождение, за свободу. В первом случае были изгнаны теutonские рыцари, во втором — французы, которые дошли до Москвы. Мне хотелось показать величие этой музыки. Напомнить через музыку: братья, мы же великий народ. Мы не должны этого терять. Почему мы должны вешать носы? Конечно, для многих это потрясение — последнее наше голосование. Но я все время верю в Россию. Сейчас время проявления. Проявите себя такими, какими вы есть.

М.СЕДЫХ, редактор отдела искусств "ЛГ". Сейчас модно говорить, что наши преобразования буксуют, потому что они идеологично или духовно не обеспечены. Есть ли, на ваш взгляд, художники, которые могли бы служить обществу путеводной звездой? И в этой связи ваше мнение о возвращении Солженицына.

М.РОСТРОПОВИЧ. Для меня возвращение Солженицына будет одним из самых счастливых дней моей жизни. Я знаю его жизнь. В течение пяти зим, которые мы провели вместе, он тратил рубль в день на еду. Молоко, капуста, картошка. Он не захотел у нас занять ни копейки. Я понимаю, что выдерживать течение года о собственном расстройстве, чтобы он выдержал. Прочитали указ: Солженицын Александр Исаевич приговаривается к высшей мере наказания. А потом: высшая мера может быть заменена высшей из Советского Союза. Я его презрительно ценю. Я считаю его возвращение торжеством справедливости, торжеством доказанной истины. Сейчас ученый из Принстона доказал теорему, которую триста лет никто не мог доказать. Наверное, были тысячи страниц уравнений. И вот — ключевая формула, итог. Жизнь Солженицына, жизнь нашего Отечества — огромное количество событий, дат. Его возвращение будет результативной цифрой. Значит, все пришло на круги своя. Он приехал к себе домой, к соотечественникам. И его жизнь была совсем не напрасна. А он первый, кто открыл глаза, по крайней мере Западу, на то, что являл собой Советский Союз. И мне открыл глаза, я думаю, многим россиянам.

В.РАДЧИШЕВСКИЙ, член редколлегии "ЛГ". Оказалось возможным заместить старый флаг и старый герб. Но с гимном вышла заминка. Депутаты проголосовали за музыку Глинки, и теперь дело за малым: сочинить великое поэтическое стихотворение на все времена в заданном размере, в заданной строфике, заданной протяженности и т.д. По-моему, это не под силу даже гениям... Как быть?

М.РОСТРОПОВИЧ. Сначала по поводу нашего герба. Когда я смотрел по телевизору встречу нового политического года до пяти часов в надежде получить ответ, кто за что голосовал, единственное, что меня радовало, — двуглавые орлы на столах. Красные такие... И тут же я вспомнил Игоря Федоровича Стравинского, русского гения. Когда он приехал в Россию, какой-то корреспондент, прямо скажем, не совсем отесанный, может быть, даже и отесанный, но немного непонятливый, спросил: а какое у вас хобби? Стравинский ответил: у меня хобби — орнитология. Тот не понял: "Что, что это такое?" "Это птицы". — "И какая ваша любимая птица?"

Стравинский посмотрел, он был похож иногда на старую тещу, иногда на бабу-ягу, он посмотрел на него и говорит: "Я вам скажу, да вы все равно не напечатаете..."

"Ну, почему? Напечатаем".

Фото Владимира БОГДАНОВА и Евгения ФЕДОРОВСКОГО

"Двуглавый орел".

Я считаю, что это гениально.

Вопрос гимна — очень сложный вопрос. Исторически гимн Глинки правомерен. С другой стороны, например, я считаю, что мелодия арии Кутузова — апофеоз "Войны и мира" Прокофьева — могла бы подойти для гимна не менее блестяще. Это было написано как гимн России, пожелавшей Наполеона.

Что касается текста, я думаю, что лучше взять из уже существующих стихотворений. Речь — то о гимне России, которую мы восстанавливаем, соединяя настоящее с ее истинным прошлым. Но в принципе это дело писателей. Я думаю, что в принципе найти слова, вдохновенные музыкаль, возможно.

Б.ЕВСЕЕВ, обозреватель "ЛГ". Мстислав Леопольдович, вы в свое время здесь подняли целую виолончельную бурю. Такие гиганты, как Прокофьев, Шостакович, Кабалевский и многие другие, написали массу произведений именно для вас. По подсчетам советских музыковедов, произведений для виолончели было намного больше тогда, чем для скрипки, фортепьяно. Что-нибудь подобное этому отклику на Западе вам удалось создать?

М.РОСТРОПОВИЧ. Композиторская школа, которая была в мою бытность здесь, конечно, сильнее той композиторской школы, которая сейчас существует на Западе. Исключая, может быть, нескольких человек, 10–15 великих композиторов, но они все-таки писали для меня. Бриттен, Лютоославский, Пендерецкий, Мессан. Я здесь прожил 47 лет, там — только 19. Там у меня состоялось 50 мирных премьер, в симфоническом оркестре, в том числе 3–4 оперы. Я очень горжусь мировой премьерой оперы Шнитке "Жизнь с цыганом". Через год у меня будет премьера новой оперы Шнитке "Джеззальдо" в Венской опере. Так что преобладали премьеры симфонической музыки. Тем не менее три дня назад в городах Монпелье и Тулузе я сделал премьеру виолончельного концерта очень талантливого французского композитора Рено Гарнье. Сейчас в моем портфеле — концерт для виолончели с оркестром Дика Форника, американского композитора из Флорида-Бич. Премьера же концерта будет в Хьюстоне. Кроме того, в следующем сентябре я жду две премьеры. Одна — виолончельный концерт французского композитора, члена Академии Даниэля Лескура. Вторая — концерт для гобоя, рояля и виолончели величайшего из современных композиторов Мессеана. Когда-то он обещал мне написать что-нибудь для виолончели. И когда он умер, нашли этот концерт, почти законченный. Кроме того, в Лондоне через несколько месяцев состоится премьера нового концерта Родиона Щедрина для виолончели с оркестром. Так что у меня пять сочинений для виолончели. Кроме того, в следующем сезоне я буду дирижировать премьерой оперы "Лолита" в Королевском театре Стокгольма. Это опера Родиона Щедрина. Я считаю, что это абсолютно выдающееся произведение.

А.УДАЛЬЦОВ. Слава Богу, мы наконец перешли собственно к культуре, к музыкальному искусству. И я хочу спросить: Мстислав Леопольдович, что происходит с Большим театром?

М.РОСТРОПОВИЧ. Сейчас, конечно, ничего похожего на тот Большой театр, которым он был, нет. Не существует певцов такого уровня, какими были, скажем, Нэлепп, Лемешев, Рейзен, Михайлов, Пирогов. Это созвездие, до которого сейчас так далеко, как до Марса. Но дело не в том, что Россия вдруг оскудела талантами. А в том, что тот, кто поет самую трудную партию блестяще, получает чуть больше того, что поет "кушать подано!". И потому люди, которые могли бы стать цветом Большого театра, предпочитают поехать за границу, потому что там они, во-первых, получают деньги и, во-вторых, имя, которое здесь уже получить трудно. Губительная та система, которая осталась в Большом театре в наследство

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

отношении образования у нас все системы хороши. Я, правда, удивлен, что Институт им. Гнесиных назван академией. Я считаю, что Академией музыки в России всегда была и останется Московская консерватория. Может быть, со временем ее можно будет как-то расширить. А пока задача более скромная: ремонт бы сделать. На него денег не хватает. После концерта шестого ноября в Большом театре я создал фонд очень узкой направленности — на ремонт Московской консерватории. Здание в ужасном состоянии: в Большом зале балкон опасен для жизни, проводка не менялась сто лет. Все это может сгореть, как елочное украшение. Когда я вошел в это здание, в этот храм искусств, у меня сердце заболело. А вообще моя мечта — сделать где-нибудь под Москвой, на берегу Москвы-реки, аспирантуру Московской консерватории для 30–40 музыкантов исключительного таланта. Туда могли бы приезжать большие художники, музыканты, литераторы, философы... Такая деревня аспирантов...

Ю.СОЛОМОНОВ, зам. главного редактора "ЛГ". У меня такое впечатление, что ваша жизнь соткана из занятий музыкой и занятий судьбой России. Чем вы еще занимаетесь в свободное время?

М.СЕДЫХ. Я слышала, в кино Сахарова играет.

М.РОСТРОПОВИЧ. Да вот никто не предлагает, я бы сыграл.

М.СЕДЫХ. Газета "Сегодня" напечатала, что вы дали согласие играть роль Сахарова.

М.РОСТРОПОВИЧ. Да нет, мне никто не предлагал.

Ю.СОЛОМОНОВ. Что вы делаете, когда не играет концерт?

М.РОСТРОПОВИЧ. Сейчас я не играю концертов. 22 числа в три часа дня я буду от своего фонда передавать оборудование для первой детской больницы, морозовской, на 150 тысяч долларов. У меня есть официальная справка от Госдепартамента США, что через мой фонд в пестербургский институт педиатрии и в московскую больницу переведено медикаментов разных на сумму до четырех миллионов долларов. Фондом я занимаюсь много. И сейчас специально приехал, чтобы передать оборудование. Конечно, не без недостатков и мой фонд. Но не воруют — это главное. Я слежу за этим.

М.СЕДЫХ. Наверное, Юрий Борисович хотел узнать, что вы делаете в свободное время.

М.РОСТРОПОВИЧ. Я работаю, потому что не должен забывать свою профессию. Поэтому я сплю не больше четырех часов. Начинается моя работа примерно в пять часов утра. Это самое продуктивное время для работы с партитурами — до восьми часов утра. Потом начинаются бесконечные звонки, визиты — и здесь, и там. Мое самое любимое место — это самолеты. Я обожаю самолеты. Особенно когда летишь далеко. Прошлым летом я перелетел из Эквадора в То